

DOI 10.24412/2309-152-2023-1-60-73

УДК 343.301

«ГОСУДАРЕВЫ ДЕЛА» КАК ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ РОССИИ В 1620-1640-Е ГОДЫ

Савченко Дмитрий Александрович
доктор юридических наук, доцент

*ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики
и управления»*

e-mail: s-d-63@mail.ru

Аннотация. В статье изложены результаты анализа практики «государевых дел» в Московском царстве во второй половине XVII в., которые были формой реализации ответственности за измену и «воровство», как за «крестные преступления». Отмечено, что система правовых средств защиты политического строя и безопасности Московского царства в 1620-1640-х гг. существенно укрепилась, заметно расширились понятия измены и «воровства». «Непригожие дела» и «непригожие речи» влекли за собой как наказания, так и меры безопасности. Сделан вывод о том, что «государевы дела» к середине XVII в. аккумулируют в себе основные невоенные религиозно-правовые инструменты обеспечения политической безопасности и становятся одним из ключевых элементов правовой системы России в сфере отношений государства и населения.

Ключевые слова: Московское царство, политический строй, правовая система, государево дело, измена, воровство, непригожие речи, наказание.

Правовая система России второй четверти XVII века изучена явно недостаточно. Она оказалась в исторической тени Соборного уложения 1649 г. Вместе с тем, организация этой системы и ее функционирование в указанный период представляет значительный научный интерес. С одной стороны, юридическая практика эпохи царствования Михаила Романова базировалась на многовековой правовой традиции, явилась ее отражением и в некотором смысле вершиной, а с другой стороны, здесь закладывались основы новых юридических норм и «правовых технологий», нашедших свою реализацию на более поздних царских и имперских этапах развития России.

Отмеченные соображения в полной мере относятся к правовому институту защиты политического строя и безопасности государства. Обеспечение независимости и политической безопасности Московского царства стало его главной задачей после кризиса Смутного времени. Необходимость решения этой задачи определяла смысл и содержание деятельности всего российского государственного механизма на этапах постепенного выхода из кризиса начала XVII в. и последующей адаптации

к посткризисным условиям. Правовые средства и механизмы обеспечения политической безопасности в 1620-1640-х гг. заслуживают в этой связи особого снятия.

Изучение правовых средств защиты политического строя и безопасности Московского царства после кризиса смутного времени показывает, что их система по традиции опиралась на имеющие религиозный характер предписания, изложенные в Кормчей книге, а также на сложившиеся правовые обычаи ответственности за измену и «воровство», как за «крестные преступления», то есть нарушения присяги подданных царю («крестного целования»).

Основной организационно-процедурной формой их реализации, как и ранее, было так называемое «государево дело». Это наименование получили события («дела») касающиеся безопасности и интересов государя, о которых каждый подданный был обязан лично сообщить («известить») государю в соответствии с данной ему присягой на верность. Источники позволяют говорить о том, что выражение «государево дело» («дело господарское») сложилось, вероятнее всего, в XVI в. после введения практики всеобщей присяги на верность московскому великому князю. «Государевым делом» называли и возникающее на основе соответствующего извета документально оформленное производство по поводу его проверки, установлению фактов и принятию решения.

В 1620-1640-х гг. здесь наблюдаются некоторые политико-правовые инновации. Они прослеживаются в сохранившихся документах, отражающих практику реализации «государевых дел». Круг отношений, охватываемых этим понятием, существенно расширяется, а само «дело» начинает именоваться «Государево великое дело»¹ (иногда с добавлением «царственное», «тайное», «большое» дело²).

1. Наиболее опасным для политического строя «крестным преступлением» в период выхода из Смуты признавалось «воровство» в форме «хотения другого государя» и «подыскания государства». Это было связано с относительной неустойчивостью посткризисной власти. Отмеченная разновидность «воровства» имела две основные формы проявления: «непригожие дела» и «непригожие речи»³.

Непригожими делами первоначально называлась открытая

¹ Пример 1626 г. см.: Новомбергский Н. Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года. М., 1911. Т. 1. № 28. С. 30.

² Новомбергский Н. Я. «Слово и Дело» (не окончено) // Известия Томского ун-та. Кн. 68. Томск, 1919. С. 27.

³ «Про государя непригожие речи» еще во второй половине XVI в. стали относительно самостоятельной и достаточно распространенной на практике разновидностью наказуемых деяний, близких по своей религиозно-правовой природе к измене в форме «умышления лиха» на государя.

вооруженная поддержка конкурентов Михаила Федоровича на московский престол, сопровождающаяся военными действиями с правительственными войсками. После ликвидации наиболее крупных внутренних антиправительственных вооруженных сил непригожие дела выражались в измене и посягательствах на «государево здоровье».

При этом, самым массовым проявлением «воровства» становится «хотение другого государя», проявившееся в *непригожих речах*¹. В изветах и материалах сыска они именовались также «воровскими», «неистовыми», «неподобными», «невместимыми», «срамными», «невежливыми», «непристойными» словами². По нашему мнению, содержание признаваемых «непригожими» высказываний слов, способных «породить смуту»³ отражало особенности политической обстановки соответствующего периода.

На первом этапе царствования Михаила Романова, когда свои права на московский трон предъявлял королевич Владислав⁴, и были свежими воспоминания о «чудесно спасшемся» царе Дмитрие (Лжедмитрии) «непригожими» признавались, прежде всего, высказывания тех, кто называл царем иных, кроме Михаила Романова, лиц, а также тех, кто допускал возможность существования нескольких царей. Например, «непригожими речами» считались слова: (1614 г.) «...здоров де был царь Дмитрий»⁵; (1615 г.) «...которому де ты Государю служишь»⁶; «что де нынешние цари?»⁷.

¹ Новомбергский Н. Я. на основе материалов практики относил к непригожим словам ругань и неодобрительные отзывы о царе и членах царского дома, символические действия («показал перст», «жукиш»), сравнение кого-либо с царем или называние себя царем, слова о смерти царя или «доброхотство» к его врагам (см.: Новомбергский Н. Я. «Слово и Дело» (не окончено) // Известия Томского ун-та. Кн. 68. Томск, 1919. С.73-85). Г. Г. Тельберг обоснованно выделял среди «непригожих речей» (1) «слова, выражавшие непочтение к особе государя»; (2) «неуместные суждения о государе и государственных делах»; (3) «обмолвки речи, в которых упоминалось имя или титул государя». Вместе с тем «в эту же категорию» он отнес слова, «в которых заключалась прямая угроза против личности государя или умысел на государево здоровье» (см.: Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912. С. 65), с чем вряд ли можно согласиться. В этих последних случаях имело место не «хотение другого государя», как при иных «непригожих речах», а самостоятельное основание извета и наказания – «хотение лиха государю».

² Как убедительно показал Н.Я. Новомбергский, различные наименования не означали в этом случае различий характера или юридической оценки этих слов (см.: Новомбергский Н. Я. «Слово и Дело» (не окончено) ... С.73-90).

³ Новомбергский Н. Я. «Слово и Дело» (не окончено) ... С. 92.

⁴ И Владислав, и Михаил могли формально считаться «одинаково законными» государями на московском престоле (Тельберг Г.Г. Указ. соч. С. 77).

⁵ Новомбергский Н. Слово и дело государевы ... № 1. С. 1-2.

⁶ Там же. С. 3-4.

⁷ Там же. С. 5.

В отмеченных случаях «непригожие речи» рассматривались как признак «самозванства». В 1620-е гг. идеи «самозванства» проявлялись в воспоминаниях о «царевиче Дмитрие», поэтому распространенным типом «непригожих речей» были слова: «Тушинский де вор, который назывался царевичем Дмитрием, жив» и «...чтоб де здоров был Государь Князь Дмитрий Иванович всея Руси»¹.

Вместе с тем, основную массу «непригожих слов», смежных с «самозванством», составляли уже наименования себя (или кого-то другого) царем, а равно сравнение себя с царем². Например, имели место извет на крестьянина, который говорил: «Как де был я... в дер. Мшиневой, и я де был царь в те поры», и извет на дьячка, который сказал: «...яз де, мужик, сам царь»³.

При этом в правоприменительной практике начинает формироваться – вероятно, под влиянием Литовского статута не встречавшееся ранее понятие «унижение Государского Величества» как разновидности «воровства» - «хотения иного государя». Так, в 1623 г. по государеву указу и боярскому приговору был бит кнутом нещадно стрелец Ивашка за то, что он сказал: «...здоров бы был воевода Никита Дмитриевич Воробин да осударь, а Государя назвал после Никиты, отечества Государева и величества не узвышил и Государское величество унизил»⁴. Признаки «воровства» обнаруживались не только в нарушении последовательности произнесения здравицы, а и в тех случаях, когда кто-либо признавался *более важным* и значимым, чем царь Михаил Федорович. Так, в 1628 г. проводился сыск по извету на курского сына боярского, что «говорил де тот Исайко Семенов про Государя непригожее место: «Дивей де Сафонов хорошее Государя на Москве мне стал»⁵.

Наказуемым стало и оскорбление государевой чести на письме – «*прописка Государева именованья*». Субъектом преступления выступало в этом случае, как правило, должностное лицо, то есть тот, кто в документе «государево наименование» написал «не по достоинству». Наказание выражалось в отставке от должности, краткосрочной тюрьме и реже битье батогами. При этом наказывался не только тот, кто сделал или допустил «прописку», но и тот, кто прочитал грамоту, не исправив ошибки⁶.

¹ Новомбергский Н. Слово и дело государевы... № 10. С. 10; № 22. С. 19; № 54. С. 67; № 162. С. 289; Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 114, 116.

² Лукин П. В. Указ. соч. С. 122.

³ Новомбергский Н. Слово и дело государевы... № 23. С. 22; № 26. С. 27; Лукин П. В. Указ. соч. С. 147.

⁴ Лукин П. В. Указ. соч. С. 111.

⁵ Новомбергский Н. Слово и дело государевы... № 231. С. 317; № 39. С. 46.

⁶ См.: Тельберг Г. Г. Указ. соч. С. 323.

Отметим, что и по Литовскому статуту 1588 г. за подобное деяние («оскорбительного о нас, Государе, говорил или писал ложно») полагалось тюремное заключение на шесть недель.

Как «воровство» наказывались *бренные* и *оскорбительные* слова о царе. Так, в мае 1626 г. калужский стрелец Семенов обвинялся в том, что он говорил про царя: «Государь женился дважды, а им, стрельцом, своего Государева жалованья дать не велел», после чего «Государю изляял»¹. Вместе с тем, в связи с особенностями московского политического строя 1620-х гг. (два Великих государя) «хотение другого государя» усматривалось не только в суждениях о царе Михаиле, но и в высказываниях, касающихся его отца, Великого Государя, патриарха Филарета. Например, основанием для изветов были слова: «яз де на патриарха плюю»; «как де умолит у Бога и станет прощать, тогды и свят буде»; «хотя бы де тут в тюрьме сидел ...Государь Святейший Патриарх, и я б де и тому про милостыню не спустил». А говоря де то слово изляял матерны»².

Умаление величества царя усматривалось не только в словах и на письме, но и в поведении – непринятии чаши за государево здоровье или сидении в шапке во время здравицы за государя. Так, в 1623 г. в Суздале как унижение величества царя было расценено поведение крестьянина Шелпякова, который «не встал, сидел», когда поп Иван начал за государево «многолетнее здоровье Бога молить и государеву чашу весть». В 1631 г. имел место сыск о том, что немчин Иван фон Любцов в Москве на подворье многими людям говорил: «станем де мы пить про королевскую мамку»³.

В то же время законодательство и практика 1630-х гг. свидетельствует о некотором *расширении понятия «воровства»* за счет включения сюда действий, причиняющих *экономический ущерб* государству, нарушающих установленные властью *правовые режимы* в сфере финансовых и экономических отношений. Так, в царской грамоте псковским воеводам о воспреещении продавать соль за рубеж в преддверии войны с Речью Посполитой (ноябрь 1631 г.) было велено «заказ крепкой учинить, под смертной казнию, чтоб... люди за рубеж в литовские города и в порубежныя деревни соли не отпускали и пеши на друге и ко племяни тайно не просили». В качестве меры наказания определялось повешение: «...тем людем за то воровство быть казненым смертью, однолично безо всякия пощады: где кто соль продавал за рубеж, или кого где с солью поймают, и тех людей в тех местах велим повесить»⁴. Кроме того, в 1630-х

¹ Лукин П. В. Указ. соч. С. 59.

² Новомбергский Н. Слово и дело государевы... № 19. С.16; № 24. С. 25; № 237. С. 431.

³ Новомбергский Н. Слово и дело государевы... № 166. С.295; № 221. С. 397.

⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи. Т. 3. СПб., 1836. №

х гг. одним из распространенных проявлений «воровства» стало фальшивомонетничество, что побудило царя восстановить смертную казнь за это преступление¹.

Добавим, что воровством признавались на практике все «непригожие речи»², приготовление к убийству и ограблению господаря (хозяина)³, а также «ведовство», причем как угрожающее здоровью царя и членов его семьи, так и угрожающее частным лицам⁴. Поэтому понятие «воровство» в широком смысле стало охватывать все нарушения публичного порядка, установленного государственной властью, в том числе создающие угрозу как общественной, так и экономической безопасности, а также здоровью населения.

Отмечается и общее *расширения тематики дел*, которые трактовались как «государевы великие дела», и по которым подданные сообщали царю. Такие изветы приносились по поводу подделки монеты и незаконной торговли, злоупотреблений должностных лиц (посулы, неправомерный выпуск из тюрьмы, присвоение казенных денег), злоупотреблений землевладельцев (убийство своих людей, содомский грех). В форме объявления «государева великого дела» делались также сообщения о кладах (например, о схороненных во время Смуты пушках), а также находке серебряных и иных руд⁵.

2. Содержание изветов, материалы «розыска» и принимавшиеся по ним решения показывают, что в 1620-1630-е гг. в рамках мер по укреплению политического строя существенно *расширилось* толкование признаков «хотения иного государя».

196. С. 282.

¹ «При прежних Великих государях, таким вором бывала казнь смертная... а при нас... таких воров смертной казнью не казнили, а чинили им наказание торговою казнью... и те воры... от такого воровства не унялися, и таких воров ныне умножилось...» (см.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи... Т. 3. № 266. С. 406).

² Новомбергский Н. Я. «Слово и Дело» (не окончено) ... С. 73-85.

³ В 1638 г. тульским воеводам предписывалось «расспросить» доставленного к ним Мишку Захарова: «какими обычаи он и с кем с иными... на княж Тихоново убийство мыслил, и ково было им на то воровство нанять, и какими было обычаи, и о кою пору, и на которые места на Дон бежать» (Новомбергский Н. Я. «Слово и Дело» (не окончено) ... С. 175).

⁴ Глубоко изучивший практику борьбы с ведовством в России в XVII в. Н. Я. Новомбергский отмечал: «Практика ведовских процессов вышла далеко за пределы, установленные для них требованиями крестоцеловальных записей... Борьба против ведовства в отношении частных лиц велась... властью... церковною. И только опасения, что ведовское искусство может выхватывать себе жертвы из царствующей семьи, побудили светскую власть взять на себя борьбу с ведунками» (см.: Новомбергский Н. Я. «Слово и Дело» (не окончено) ... С. 100-115).

⁵ Новомбергский Н. Я. «Слово и Дело» (не окончено) // Известия Томского ун-та. Кн. 68. Томск, 1919. С. 224-225, 236, 242-263.

К «непристойным словам» стала относиться не только *брань* в отношении государей¹. Они усматривались также в высказываниях, *осуждавших* те или иные действия царя Михаила и его правительства, в частности в сфере экономических реформ, а также распространение слухов о возможности *политических перемен*. Так, в 1629 г. сын боярский Томилка Мальгин говорил о государе, что он «старья их поместья у них отымает и велит давать новикам». В 1625 г. холоп Фролов извещал: «...казак Овдейко... говорил, что «Государь их не жалует, крестьян из-за них велит выводить, и их есть в сборе с 500 человек; кто из-за них крестьян выводит, и у тех вотчины выжгут, а крестьян побьют; и найдут они иного государя»². В 1629 г. на стрельца Осипка было подано изветное письмо: говорил Осипка про царя Михаила, что он «упросил... у бояр сроку на семь недель осударствовать и выходил упрашивать на лобное место, а патриарх Филарет Государю не отец»³.

В ряде «непригожих речей» осуждение действий царя связывалось с особенностями его *семейной* жизни. Так, в 1626 г. тюремный сиделец Ларионов извещал на сторожа тюрьмы Ермолина: «...Ермолин сказал: государь де женился мимо Хлоповой и тюремным де сидельцам не быть выпущенным. ...Одна де тамо мутит Государева матушка... Не умеет де Государь матушку свою за смутно, в медведную ошив, собаками травить, прежние де Государи за такую смутню, ошив в медведну, собаками травливали»⁴. В том же году стрелец Семенов говорил: «государь женился дважды, а ...стрельцам своего государева жалованья давать не велел»⁵.

Наконец, «непригожими речами» считались высказывания, ставящие под сомнения *права наследника* престола царевича Алексея, выраженные, например, в словах «Бог де то ведает, что прямой-ли царевич, на удачу де не подменный-ли?»⁶; «де Государь царевич Алексей Михайлович, и то де царевич подменный»⁷.

В заключительный период царствования Михаила Федоровича после смерти патриарха Филарета «непригожими речами» стали признаваться не

¹ В 1616 г. в Москве был бит кнутом на козле боровский казак Андрюшка Хода, который будучи «пьян без памяти», побранился с казаком Познячкой Семеновым и «почал его лаять матерны и с тем, кому он служит». В 1616 г. в Москве в новой слободе крестьянин Игнатов в брани со стрельцом Оською Степановым: «учал говорить непригожия слова: «нам де и государь стал пуще Лисовскаго и Лисовский де мне головы так не снял, как государь» (Новомбергский Н. Слово и дело государевы... № 2. С. 2-3; № 5. С. 6).

² Новомбергский Н. Слово и дело государевы... № 41. С. 48; № 200. С. 351–352.

³ Лукин П. В. Указ. соч. С. 110.

⁴ Там же. № 30. С. 40.

⁵ Новомбергский Н. Я. «Слово и Дело» (не окончено) ... С. 98.

⁶ Новомбергский Н. Слово и дело государевы... № 61. С. 106.

⁷ Там же. № 57. С. 74.

только объявление кого-либо царем¹ или его родственником², а также уравнивание кого-либо с государем³ и задевающая царя брань⁴, но и сомнения в происхождении царя Михаила («...мне де видится, что не прирожденный царь»⁵), что могло поставить под сомнение необходимость в будущем передать власть его сыну.

Кроме того, новой разновидностью «непригожих речей» становится распространение слухов о смерти царя Михаила. Так, в июне 1643 г. поступил извет на казака Ваську Конаева: «...говорил де он, Васька, многожды, что де тебя, Государя, не стало»⁶. Опасность подобных высказываний была высокой, ведь признание того, что «Государя не стало», создавало угрозу распространения самозванческих идей и появления новых «самозванцев».

3. Наказанием за «непригожие дела» («великие государевы дела») как за «крестные преступления» была смертная казнь, а также конфискация имущества («вотчин и животов»)⁷. Наряду с типичными видами смертной казни (как правило, в виде повешения или отсечения головы), могли назначаться и иные, квалифицированные виды. Так, в 1643 г. бояре приговорили «Офонку Науменка казнит а достоеен он за такое злое дело што хотел портит гедрню црцу обсеч руки и ноги да будет толко будет жив достал вкинут в огон а казнит ево на Болоте или на площади».

¹ Например, извет на старца монастыря Сильвестра (1640), который «говорил де так, что он, Сильвестр, всей братье и вкладчикам, и крестьянам царь» (см.: Новомбергский Н. Слово и дело государевы... № 203. С. 355).

² Например, извет на крестьянина Ивслику Григорьева (1637), который «напився пьян и взяв к себе на руки сына своего только ныне году, и называл его царскими семяны»; извет на Ивашку Перфильева (1637/1638), который сказал, что он «брат де Государев» (см.: Там же. № 65. С. 121; № 68. С. 125).

³ Например, «непригожие речи» путивльского казака Кирюшки Родюкина (1637): «Я де де Государя не слушаю, откупил де я деготь в Володимерской чети у дьяка у Тимофея Голосова, а не у Государя, и пошлины де откупныя плачу Голосову, а не Государю» (см.: Там же. № 254. С. 465); извет на тюремного сидельца, воровского денежного дела мастера Емельку (1643), который «молвил непригожее слово... он де и тебе, Государю, вровень» (см.: Лукин П. В. Указ. соч. С. 156).

⁴ Например, в архиве Сибирского приказа сохранились материалы дела поьячего Степанова (1642), который был наказан «нещадным битьем» за то, что на обеде у пелымского воеводы князя П. Ф. Волконского в ссоре с другим подьячим произнес слова «Черт де тебе велел быть в подьячих», а на возражение о том, что назначил его царь, трижды переспросил, какой царь его пожаловал. Об этих словах воевода составил извет в Тобольск (см.: Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI-XVII вв. Екатеринбург, 2018. С. 243).

⁵ Лукин П. В. Указ. соч. С. 121.

⁶ Новомбергский Н. Слово и дело государевы... № 277. С. 521.

⁷ Тельберг Г. Г. Указ. соч. С. 255, 264, 267. Одним из направлений использования «опальной рухляди» была выдача одежды «колодникам» (см.: Новомбергский Н. Я. «Слово и Дело» (не окончено) ... С. 157-158).

Царь Михаил осужденного помиловал и указал «за ево болшое воровство сослати в Сибир... на Таре посадит в тюрьму до... гсдрва указу»¹.

Угроза смертной казни сохранялась и за «непригожие речи», ведь они могли быть признаны проявлением реального умысла на «государево здоровье». Вместе с тем на практике «непригожие речи» влекли за собой наказания телесные – «битье батоги» или кнутом («торговая казнь»). В большинстве случаев они дополнялись и иными мерами в зависимости от содержания речей и обстановки их произнесения². Среди них членовредительное наказание («урезание языка»), если речь сопровождалась бранью в адрес великих государей³; ссылка с конфискацией имущества; лишение свободы на неопределенный срок («вкинуть в тюрьму до Государева указу»)⁴.

Так, по одному из дел (1627) «послана в Ростов Государева грамота к воеводе... а велено ему... Репкина, выняв из тюрьмы, и сказав ему его воровство, что он говорил про Государя непригожее слово, бить по торгом кнутьем нещадно, чтоб на то смотря, иным неповадно было впредь так воровать, и, бив кнутьем, велено его посадить в тюрьму до Государеву указу»⁵. В последующем царь «Репкина велел из тюрьмы выпустить, дать на крепкую поруку с записью, чтоб ему вперед не воровать и про нас никаких непригожих речей не говорить»⁶. В 1634 г. Семен Измайлов (осужденный после поражения в войне с Речью Посполитой по так называемому «Смоленскому делу») был наказан за то, что «разговаривал многие непригожие слова»: «...И за то... воровство указал Государь... Семена казнить торговою казнью, бить кнутом и сослать в Сибирь в

¹ Вид смертной казни был обусловлен тем, что осужденный был признан виновным не только в «умышлении на здоровье» царицы, но и в религиозном преступлении: «Исса Хрста и православные крстьянские веры отвергся и животворящей крст хрстов пот пяты клал... с бесы знался и на людеи бесов по ветру воровством напущал и коренем многих людеи портил ...было ему ее гсдрню портит напущат по ветру бесей и корене в пите класть и всякими мерами домышляться штоб ее гсдрню испортит и за то ево воровство приговорили отсечь руку да ногу да вкинуть в сруб в огонь и сжечь ево в сруб» (см.: Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Подг. изд. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968. С. 274-276).

² Новомбергский Н. Я. по итогам изучения материалов «государевых дел» установил: «Батоги, тюрьма на срок или до указу, кнут и др. назначались за сказывание всяких слов не только по соображениям: «смотря по вине и по человеку», но и по иным, которых отчасти не представляется даже возможным вскрыть по сохранившимся материалам» (см.: Новомбергский Н. Я. «Слово и Дело» (не окончено) ... С. 90).

³ Тех, кто говорит против царя «за очи бесчестныя или поносныя слова, бив кнутом, вырезают язык» (см.: Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884. С. 116).

⁴ Тельберг Г. Г. Указ. соч. С. 256-260.

⁵ Памятники русского права. Вып. 5. М., 1959. С. 158.

⁶ Там же. С. 158.

тюрьму... а поместья... и вотчины описать на Государя и роздать в роздачу»¹. По некоторым делам царь ограничивал наказание за «непригожее слово» увольнением от должности и высылкой. Так, в 1639 г. в Москве были осуждены постельница Носатова, ее дочь, сын и зять за «посмешное слово» про царицу: «црца недорога знали ее коли она хаживала в жолтиках, нне де ее бг возвеличил». Царь указал обвиняемых «ис црцынына чину отставит, и впред им в црцыне чину в црцыных детех боярских, а постелницам в постелницах быти не велел, и из црцыны слободы из Кисловки велел их выслати»².

При этом высылка, ссылка³ и «тюрьма до указа», в том числе с последующим освобождением «на поруки», выступали не только в качестве наказания, но и как основная *мера безопасности*, призванная предупредить «воровство» конкретного лица в будущем. «Тюрьма до указа» как и отдача «за пристава» играла также процессуальную роль *меры пресечения*⁴.

4. Особого внимания заслуживает правоприменительная практика, в которой получают свое дальнейшее развитие нормы об ответственности за *измену*.

Под изменой в первую очередь понималось неисполнение обязанности «служить государю» и «биться с его недругами». Поэтому измена могла заключаться как в активных действиях (отъезд, поддержание связей с неприятелем), так и в бездействии или недостаточно активных действиях. При этом, если измена сопровождалась оказанием содействия конкуренту Михаила Федоровича, заявляющему свои права на московский престол, то есть имела признаки «хотения иного государя», то такое деяние получало двойную оценку – как «измена и воровство».

В то же время, понимание измены на практике имело тенденцию к *расширению*.

В частности, изменой могло признаваться любое *непослушание царю*. Об этом наглядно свидетельствуют материалы дела князя Голицына (1624), который на свадьбе царя Михаила не захотел сидеть ниже Шуйского и не подчинился распоряжению Михаила по этому поводу. Дело слушалось боярами, которые признали, что «князь Иван учинил то изменой, что на государевой радости быть не хочет, и в его непослушании

¹ См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи... Т. 3. С. 383, 389.

² Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Под. изд. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968. С. 250, 254.

³ Роль меры безопасности играла, например, ссылка из приграничных городов - для предупреждения сношений с отъехавшими за рубеж (см.: Тельберг Г. Г. Указ. соч. С. 251-252).

⁴ Тельберг Г.Г. Указ. соч. С. 89.

и измене его государева воля». Решением царя и патриарха князь Голицын «за его непослушание и измену» был приговорен к конфискации вотчин и поместий и ссылке: «поместья и вотчины отписать на... Государя, и поместья в роздачу роздать, а вотчины ведать во дворце... а его с женою сослать с приставом в Пермь... и того беречь накрепко, чтобы никто к князю Ивану не приходил и не приезжал»¹. Непослушание царю могло в данном случае рассматриваться как противодействие политике Великих государей (царя Михаила и патриарха Филарета), направленной на ограничение местничества².

Кроме того, практика свидетельствует о появлении особой разновидности «непригожих речей», в которых мог проявиться *умысел к измене*. Они заключались в *положительных отзывах* об иностранцах вообще и иностранных государях в частности. Так, после войны с Речью Посполитой 1632–1634 гг. Гаврило Бакин был осужден за то, что «разговаривал про литовского короля многие хвалные статьи и похвалял его во всем: как де против такого великаго государя монарха руским людем стоять и биться, и русских людей называл плюгавством и литовских людей перед рускими похвалял во всем, что литовские люди перед рускими людьми стройны». «...И за то... воровство и за непристойные речи Государь указал и бояре приговорили: ...казнить торговою казнию, бити по торгом кнутом и сослати в Сибирь в тюрьму»³. Об этой же разновидности «непригожих слов» свидетельствует поступивший в июне 1643 г. извет на казака, который говорил: «...лучше бы королю служил, что Государю служу»⁴.

Одной из наиболее распространенных форм измены стал «*отъезд*» в другое государство. Экономические изменения 1620–1630-х гг., развитие миграционных процессов создали предпосылки к росту количества «отъездов», прежде всего в Литву, совершаемых крестьянами – «мужиками». Как показывает практика, власти на местах испытывали трудности в правовой оценке попыток выезда за рубеж крестьян и других схожих с ними по социальному статусу лиц. Ведь эти попытки, как правило, были обусловлены не политическими, а экономическими причинами. Постепенно вырабатываются правила, в соответствии с которыми для оценки подобных случаев требовалось установление *цели* «отъезда» и наличие *предварительных контактов* и договоренностей с иностранцами. Так, в 1636 г. на запрос вяземского воеводы, что ему делать с зарубежными беглецами и выходцами, которых ловят по проселочным

¹ Дворцовые разряды. Т. 1. 1612-1628 г. СПб., 1850. С. 640-642.

² Иванов П. О местничестве // Русский исторический сборник: издаваемый Обществом истории и древностей российских. Т. 2. М., 1838. С. IX.

³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи... Т. 3. № 251. С. 384.

⁴ Новомбергский Н. Слово и дело государевы... № 280. С. 527.

дорогам и к нему приводят, московское правительство ответило: «...как к вам беглецов приведут, вы бы их в побеге пытали, для чего они за рубеж идут и не ссылались ли они с зарубежными людьми»¹.

Даже в случае отсутствия намерения оказать помощь неприятелю незаконный отъезд характеризовался как измена, хотя и влек менее строгое наказание. Так, в 1637 г. сыском было установлено, что Васька Иванов «бегал за рубеж спроста, для сыску животов своих... а воровства и лазучества за ним не бывало, бегал собою спроста, а никто его не посылавал». За это по государеву указу велено было «изменника Ваську Иванова... за измену сослать в Казань и устроить в казанских городах в стрельцы»².

Сомнения местных властей в отношении признания всех случаев «мужицкого отъезда» изменой проявились и в решении вопроса о *судьбе имущества* отъезжающего. Напомним, что на имущество изменника мог претендовать «изветчик»³. В отношении имущества крестьянина такое решение было не столь очевидно. Так, в 1639 г. брянский воевода писал в разряд: «Привели двое детей боярских в съезжую избу беглого мужика... и сказали, что поймали его на литовском рубеже с женой и с детьми; и я велел мужика перед собою распросить, как зовут, из-за кого бежит, куда идет; а мужик сказал, что он беглой, побежал было за рубеж, а близ рубежа изымали его эти двое и ограбили; и я велел тех детей боярских с очей на очи поставить и распросить, имали ль они те его животы; дети боярские повинились, и я велел мужика вкинуть в тюрьму до твоего государева указу». По этому делу государь указал: «Мужика с женой прислать к Москве, а что дети боярские, которые животы взяли, и в том они не виноваты, и вперед кто побежит, а кто его поймает, тому и животы». Из этих документов следует, что воевода не считал законным произвольный захват «животов» человека, заподозренного в измене, - такой акт был узаконен на будущее («*впредь*») государевым указом (т. е. признан нормой)⁴.

Если оценка «общего крестьянского отъезда» как измены в ряде случаев вызывала сомнения, то поддержание связей с неприятелем, передача ему вооружения и иное содействие его усилению, безусловно,

¹ Пытка могла быть повторена до трех раз. «Женскому полу бывают пытки против того же, что и мужскому полу, окромя того, что на огне жгут и ребра ломают».

² Новомбергский Н. Слово и дело государевы... № 252. С. 260, 262.

³ За поимку подозреваемого в измене полагалось «царское пожалование». Так, в царской грамоте 1636 г. об отыскании бежавшего дьякона Брюханова, который обвинялся в «измене», говорилось: «...велено того дьякона, в нашем в великом в изменном деле, привести к Москве... в то всяким людям сказати, кто того чернца поймает, и мы того пожалуем нашим царьским жалованьем» (см.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи... Т. 3. № 259. С. 396).

⁴ Тельберг Г. Г. Указ. соч. С. 41–42.

расценивались как изменнические деяния (нарушение обязательства «служить Государю») и правосознанием¹, и судебной практикой.

При этом субъектами измены во многих случаях становились люди, обладавшие высоким политическим и социальным *статусом*. Например, как измена характеризуется в одном из изветов (1629) действия енисейского воеводы Василия Аргамакова, продающего оружие «тунгусским людям», которые нередко приходили «на Государевы города войной»: «Василей де Аргамаков еретик и изменник, продает тунгусским людям сабли и пансыри, а в церкви де устроил себе по-царски место и ставится по-царски»². В 1634 г. один из осужденных по «Смоленскому делу» Василий Измайлов был наказан, в том числе, за то, что «изменял больше всех и съезжался с литовскими людьми... и с Государевыми изменники... и с ними пировал... и от них подарки... имал... и разговаривал с ними о всем, что годно было литовскому королю»³.

Субъектами измены прежде всего в форме «*отъезда из полков*» к неприятелю могли быть и *иностранцы*, поступившие на службу к московскому царю. Так, в 1634 г. «из войска, бывшего с бояриным Шеиным в осаде под Смоленском многие служилые иноземцы «Государю изменили, к польскому королю отъехали на службу», воспользовавшись для этого предусмотренным в договоре о капитуляции положением: «любо им на службу королю удати любо до отчизны своей отойти»⁴.

Таким образом, в 1620-1640-х гг. система правовых средств защиты политического строя и безопасности Московского царства существенно укрепилась. Опирающиеся на освященные религией обязанности подданных перед царем охранялись мерами ответственности за измену и «воровство», как за «крестные преступления». Формой их реализации были «великие государевы дела», практика которых в 1620-1640-х гг. свидетельствует о заметном расширении понятий измены и «воровства».

В частности, изменой могло признаваться любое непослушание царю. Распространенной формой измены стал «отъезд» в другое государство. При этом, самым массовым проявлением «воровства» становятся не «непригожие дела», а «хотение другого государя», проявившееся в «непригожих речах». При этом толкование признаков «хотения иного государя» существенно расширилось. Одновременно, понятие «воровство» в широком смысле стало охватывать все нарушения публичного порядка, в том числе создающие угрозу не только

¹ Г. Г. Тельберг (Указ. соч. С. 83, 322) отмечал, что московское правительство и московское общественное мнение смотрели на «переезжика» к врагу как на «изменника тягчайшаго».

² Лукин П.В. Указ. соч. С. 40.

³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи... Т. 3. С. 388.

⁴ Тельберг Г.Г. Указ. соч. С. 89-91.

политической, но и общественной, а также экономической безопасности и здоровью населения.

Прослеживаются признаки формирования системы мер принуждения, включающей наказания, меры безопасности и меры пресечения. Наказанием за «непригожие дела» была смертная казнь, а также конфискация имущества. Угроза смертной казни сохранялась и за «непригожие речи». Вместе с тем на практике «непригожие речи» влекли за собой наказания телесные. В большинстве случаев они дополнялись и иными мерами в зависимости от содержания речей и обстановки их произнесения. В этих случаях высылка, ссылка и «тюрьма до указа» выступали как основная мера безопасности, призванная предупредить «воровство» конкретного лица в будущем. «Тюрьма до указа» как и отдача «за пристава» играла также процессуальную роль меры пресечения.

Наконец, в 1620-1640-х гг. наблюдается заметное расширение тематики дел, которые трактовались как «государевы великие дела», и по которым подданные сообщали царю (подделка монеты и незаконная торговля, злоупотребления должностных лиц и землевладельцев, обнаружение кладов и др.).

Отмеченные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что «государевы дела» к середине XVII в. аккумулируют в себе основные невоенные религиозно-правовые инструменты обеспечения политической безопасности и становятся одним из ключевых элементов правовой системы России в сфере отношений государства и населения. Это позволит им в дальнейшем сыграть значимую роль важного правового средства решения встающих перед Россией политических задач на последующих этапах ее развития, в том числе имперского периода.

Библиографический список

1. Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI-XVII вв. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с.
2. Иванов П. И. О местничестве // Русский исторический сборник: издаваемый Обществом истории и древностей российских. Т. 2. М., 1838. С. 1-15.
3. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1884. 260 с.
4. Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000. 296 с.
5. Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / Подг. изд. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М.: Наука, 1968. 342 с.
6. Новомбергский Н. Слово и дело государевы: Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года. Т. 1. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1911. 593, 14 с.
7. Новомбергский Н. Я. «Слово и Дело» (не окончено) // Известия Томского ун-та. Кн. 68. Томск: Паровая типо-лит. Сибирск. Т-ва Печатного Дела, 1919. С. 1-288.
8. Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. Москва: Тип. Императорского Московского университета, 1912. 342 с.